

18+

АСЯ ВОЛОДИНА

ПРОТАГОНИСТ

РОМАН

Загадочная
смерть студента
заставляет героев
снять маски

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Ася Володина

Протагонист

Серия «Классное чтение»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69152536
Протагонист : роман / Ася Володина: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-150275-1

Аннотация

Ася Володина (1991) – филолог, прозаик, финалист премии «Лицей» (роман «Часть картины»). Родилась в Крыму, росла в Тольятти; выпускница МГУ им. Ломоносова, кандидат филологических наук, преподаватель. Рассказы публиковались в журнале «Юность».

Девять голосов.

Девять героев: всех их объединяет загадочная смерть студента престижной Академии.

Девять историй: каждая следующая дополняет или разрушает сложившуюся картину событий.

Девять внутренних монологов, девять попыток найти себе оправдание – и понять, почему античный культ совершенства приводит к человеческим жертвам.

Содержит нецензурную брань!

Содержание

Список масок	5
Пролог	6
Агон: терпеть	7
Маска: бледная с взъерошенными волосами	7
Маска: остриженная дева	23
Маска: молодая женщина	41
Агон: служить	60
Маска: безбородый	60
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ася Володина

Протагонист

© Володина А.

© ООО «Издательство АСТ»

Художественное оформление – Елизавета Корсакова

В книге цитируются фрагменты древнегреческих трагедий в переводе Иннокентия Анненского (Еврипид), Сергея Шервинского (Софокл) и Соломона Апта (Эсхил).

* * *

Список масок

Бледная, с взъерошенными волосами – маска женщины с печальным выражением лица.

Остриженная дева – бледная девушка с коротко стриженными волосами.

Молодая женщина – отличается отсутствием бледности.

Безбородый – маска самого пожилого героя трагедии. Белые волосы на возвышении, гладковыбритое лицо, вытянутые щёки.

Вторая остриженная дева – не имеет локонов, как будто ее часто преследуют несчастья.

Бледный – худой мужчина с нездоровым лицом и взъерошенными волосами.

Девочка – детская маска, которую носит любая молоденькая девушка.

Менее бледный – бледность объясняется недугом, иногда любовным.

Кожаная – женщина средних лет.

Пролог

Ночь. Общежитие Академии.

Голубь садится на подоконник. Делает шаг в сторону распахнутого окна. Заглядывает внутрь.

Осмелев, в поисках еды перелетает на стол, разделивший напополам и без того узкую комнату.

Порыв ветра раскидывает листы бумаги со стола. Остается лежать лишь один, прижатый круглыми очками.

Сбоку на столе смартфон. Точно почуяв жизнь вблизи, он заливается отрывистым будильником с вибрацией.

Голубь вспархивает и улетает прочь. На листке остается белое пятно.

За стеной раздается крик. В окне соседней комнаты загорается свет. Передавая друг другу эстафету, зажигаются остальные окна.

В комнате на одиннадцатом этаже смартфон срывается на пол. Звук приглушается, но не затихает.

Ручка двери ходит вверх-вниз. Ключ сидит в замке не плотно, снаружи его будто выталкивают. Наконец он выскакивает и падает. Щелкает замок, дверь распахивается. В комнату врывается долговязый парень в джинсах. Озирается и подходит к окну. Выглядывает наружу.

Будильник продолжает звенеть.

На часах 4:30.

Агон: терпеть

Маска: бледная с взъерошенными волосами

*На меня теперь Эллада, вся великая Эллада
Жадно смотрит; в этой жертве беззащитной и
бессильной
Всё для них: попутный ветер и разрушенная
Троя...
Еврипид, «Ифигения в Авлиде»*

Ирина, это ваш шанс

Мальчик хочет как лучше. Мальчик кидает шмат булки утке, едва не попадая ей в голову. Утка наклоняется к мякишу, пытается ухватить, но не выходит: слишком большой. Отплывает в сторону. Мальчик вытаскивает из кармана печенье, кидает и его тоже. Утка не обращает внимания. Мальчик злится и кричит на утку. Глупая! Не понимает, что ей дают лучшее! Мальчик еще не знает, что уткам нельзя сладкое, что его, мальчуковое, «лучше» – для утки яд. Как, возможно, ядом окажется и уткина еда для мальчика. У мальчика и утки разные «лучше».

Заметно похорошевший парк сейчас вызывает только раздражение. Вокруг пруда фланируют мамы с колясками и переругиваются владельцы разнокалиберных собак. Чихуахуа бросается на двортерьера с оголтелым лаем, тот пятится за хозяйку, уткнувшуюся в телефон. «Лиана, положи каку, фу-фу-фу!» Лиана-девочка или Лиана-собачка? Кто ж теперь разберет. Это у нас во дворе гуляли Насти, Маши, Тани, Иры...

Ирина, это ваш шанс

Сколько шансов, что Мила окажется Мелисандрой, а не Людой, а Даня – так и вовсе Дейнерис? В тридцать пять самое время откапывать внутреннюю бабку *а-в-наше-время-было*. Разве я ее закапывала? Придираюсь к каждому столбу. Поэтому и препод.

Поэтому ли? Почему люди вообще становятся преподавателями? Возможно, это всего лишь способ сохранить свою жизнь неизменной? Работать в том же университете, что и училась, зимой каникулы, летом отпуск. Жить с мамой в той же квартире, где и родилась, в доме, что уже двадцать лет как ждет сноса, так что смысл брать ипотеку, Ириша, вот-вот разменяемся, а смысл менять работу, вот-вот высвободится окошко для аспирантуры, как-нибудь всё образуется, как-нибудь сложится само, само – повторяешь, вставая в уютную коробку мещанского райка.

Ирина, это ваш шанс

Gib jedem Tag die Chance, der schönste deines Lebens zu werden.¹

На день рождения первокурсники подарили такой мотивационный блокнот из книжного ларька в цокольном этаже и коробку австрийского марципана «Моцарт». Едва сдержалась, чтобы не спросить, знают ли они, во сколько Моцарт умер.

Он хотя бы успел нажать что-то большее, чем кризис среднего возраста.

Тридцать пять – это средний возраст или нет? Ниже проходного балла, однозначно. Сколько я ему поставила за последний зачет? Столько и поставила: 35 из 100.

Ирина, это ваш шанс
рассказать свою версию
ваше видение ситуации
защититься

ваше руководство этого делать не станет
сами знаете

Знаю.

¹ Дай каждому дню шанс стать лучшим в твоей жизни. (нем.)

вы не хотите разговаривать, я понимаю
но и вы поймите
материал выйдет в любом случае
с вашим комментарием или без
напишите мне

Звонок с неизвестного номера. Так быстро нашли мой телефон? Сбрасываю.

Фейсбук предлагает поделиться новостями. Уважаемый Фейсбук, sei so nett², иди-ка в Arsch³ со своими предложениями.

Мальчика с булкой нет. Куда он мог подеваться? Где его мама?

Поднимаюсь с лавки и подхожу к воде. Утка подплывает ближе. Рядом плавает выгоревшая до серости маска. Наклоняюсь и пытаюсь вытащить ее из воды. Телефон вибрирует. Поскальзываюсь, падаю на колени в мокрую траву. Телефон вылетает из кармана и идет на дно.

Плевать. Тянусь и вытаскиваю маску одним пальцем. Выбрасываю в урну. Флора и фауна спасены ценой телефона, можно поставить плюстик в карму. Сколько же плюстиков теперь придется собрать, чтобы на том свете мне натянули хотя бы оценку «ладно», которая вернет меня на пересдачу жизни, пусть бы даже и ленивой откормленной уткой в москов-

² Будь так добр. (нем.)

³ Задница (нем.)

ском пруду?

В сумке жужжит планшет. Сообщение в телеграмме.
Карающей руке не нужен телефон.

Ирина, вас беспокоят из деканата. Пере-
звоните. Это срочно.

Еще с утра это был нормальный день. He Schönste⁴, но и
не Scheiße⁵ же!

Gib jedem Tag die Chance, der schlechste deines Lebens zu
werden.⁶

Вот бы отмотать всё назад.

Тринадцать минут до звонка.

«Автобус прибывает», твердит приложение. Прибывает
уже пять минут как.

Телефон показывает, как автобус подъезжает к остановке,
а затем усыляет его за угол: этот уровень реальности не прой-
ден, повторите заново. Реальность не поспевает за приложе-
нием или приложение за реальностью? Ведь так же и моя ко-
пия может подходить к Академии, а потом снова оказывать-
ся на остановке: картинка и реальность расходятся, как за-
стрявшее изображение и звук в Zoom.

⁴ Прекраснейший. (нем.)

⁵ Дерьмовый. (нем.)

⁶ Дай каждому дню шанс стать худшим в твоей жизни. (нем.)

Наконец автобус выплывает из-за угла, синхронизируясь со своим аватаром. Медленно тормозит, медленно останавливается, медленно сминает двери, медленно заглатывает людей в спущенных масках и без всяких перчаток.

К водительской кабинке прорывается женщина.

– До диспансера идете?

Водитель не обращает на нее внимания, но женщина продолжает выстукивать острым ноготком в окошко, пока сидящий впереди дедок не рывкает:

– Да идет он, идет! – Бьет зонтом-тростью в пол и косится на часы – наверняка коллега.

Двери наконец выпрямляются, и автобус плетется от одной остановки к другой. Над кабиной водителя красным бежит строка «Носите маски!», затем буквы сминаются, сбиаясь на иероглифы. Наконец, на табло возвращается время.

Одиннадцать минут до звонка.

Остановка раз.

Остановка два.

Остановка три.

Академия.

Здесь высаживается большинство пассажиров. Мне же ехать до следующей, чтобы зайти со второго входа. Только бы светофор...

Красный.

Шесть минут до звонка.

Двери расползаются. Выскакиваю первой. Дедушка с тро-

стью выходит вслед за мной.

Зеленый. До конца перехода семь секунд.

Срываюсь и перебегаю дорогу. Ставлю ногу на тротуар в последний миг. Не нарушила – хорошо.

Спускаю маску. Стараясь дышать как можно глубже, захожу в корпус. Возможно, заходит та самая копия, которая *смогла*. Возможно, где-то есть та копия, которая смогла больше: окончить аспирантуру, получить старшего или даже доцента. Эта же копия – промахнулась автобусом, отключилась в пути, а проснулась в депо посреди ночи, когда водители давно разбежались по домам, по семьям, которые у них-то есть, так что копия сидит в депо и ждет, когда же ее наконец вернут на правильную остановку. Поэтому спать нельзя, ведь стоит только закрыть глаза, как проскочит семнадцать лет: семнадцать лет одного и того же автобуса, одной и той же остановки, одного и того же входа, так что могу дойти с закрытыми глазами, но не стану, потому что стоит только прикрыть глаза, как проскочит семнадцать лет, а потом еще семнадцать лет, пока из Академии не выйдет старуха, не сорвет с груди орден «За выслугу лет», и не истлеет там же, на ступеньках у главного входа – никем не забытая лишь оттого, что никем и не замеченная.

Пока орденов мне не выдали, срывать нечего, так что натягиваю маску, на руки – тонкие медицинские перчатки.

Подставляю карточку и смотрю в экран.

– Ошибка идентификации.

Стягиваю маску.

«Нормальная температура 32,5» – высвечивается на тепловизоре. Обычно 32.

– Успешная идентификация.

Две минуты до звонка? Неправда. Часы напротив входа спешат. Так уж здесь принято: подгонять отстающих. Опоздания фиксируются на проходной по карточкам: штраф автоматом списывается с зарплаты преподавателей и баллами – с рейтинга студентов.

Четыре минуты до звонка.

Бесконечный коридор, потом лестница: один пролет, второй, третий. На проходе встречаются студенты – в корпусе осталась едва ли треть, а всё равно толпятся. Шикаю «молодылюдь» и проскальзываю к кафедре. Закрыто.

Три минуты до звонка.

Засовываю ключ в замок, проворачиваю и захожу. Свет не горит, компьютеры выключены – лаборантки еще нет. Пшикаю на перчатки санитайзер – по протоколу.

Кофе или туфли? Кофе: переобуться не успею. Включаю кулер. Лампочка загорается, но он не торопится просыпаться. Стягиваю с носа маску, раздеваюсь и сыплю в свою побитую временем чашку растворимый кофе.

Две минуты до звонка.

Наливаю чуть горячую воду из дремлющего кулера. Делаю медленный глоток и морщусь. Кислая гадость, но без нее никак: утренний кофе выветрился еще по дороге. Спала сколь-

ко – три, четыре часа?

Минута до звонка.

Выпиваю в три глотка. Открываю окно, делаю последний длинный вдох и натягиваю маску. Выхожу, захлопываю дверь и спешу в кабинет двумя этажами выше. По коридору идет девушка в маске, заглядывая в кабинеты, – студентка, которая потеряла аудиторию, или дежурная, которая следит за соблюдением масочного режима? Сначала они следили за опозданиями, теперь за масками, – что дальше? Полезут в аккаунты в соцсетях?

Очки снова запотевают. Спотыкаюсь на лестнице, почти падаю, но успеваю ухватиться за перила. По свежкупленным колготам пробегает ехидная стрелка. Выругиваюсь – мысленно, конечно же. Брань в стенах Академии под запретом.

Захожу в аудиторию.

Звенит звонок.

Девяносто минут до конца.

Кнопка на мониторе подмигивает в тиши. Не выношу эту аудиторию: слишком большая для целой группы, не то что для меня одной. Расставленные полукругом пустые столы и стулья выглядят тревожно-выжидающе, как будто гадают: пара отменилась, аудитория поменялась или пришел всеобщий карантин? Но нет, сегодня всего лишь очередной гибридный день, когда пары в Zoom комбинируются с очными. Никак не привыкну – даже слово «гибрид» навевает мили-

таристские ассоциации.

Снимаю маску и захожу в конференцию – пусто. Мои солдаты засели по окопам и не рвутся в бой. В телеге падает сообщение от Жени, старосты: не удастся войти. Снова копирую ссылку, скидываю, жду.

Восемьдесят семь минут до конца.

Включаю запись видео. Рядом с моим портретом уже давно не боттичеллиевской женщины с растрепанными рыжими кудрями выстраивается галерея заспанных лиц. Всего восемь штук, я – девятая, хотя должна быть десятой.

– Guten Morgen also. Aber wo ist Nikita denn?⁷

Женя появляется в режиме докладчика.

– Er ist abwesend.

– Fehlt er entschuldigt?

– Weiß nicht.⁸

В пятницу. В пятницу у него был час. Час на то, чтобы закрыть долги за этот семестр и получить консультацию перед завтрашней пересдачей, пересдачей последней – с комиссией.

– Sagen Sie ihm, dass ich auf ihn warte.⁹

Никита – солдат контуженный, угодивший в воронку олимпиадников, которые поступают по предметам и, не успевая поплавать, тонут на языках. Пропустил пару – не по-

⁷ Что ж, доброе утро. А где же Никита? (нем.)

⁸ – Его нет. – Он отсутствует по уважительной причине? – Не знаю. (нем.)

⁹ Скажите, что я его жду. (нем.)

нял домашнее задание – решил не идти – снова не понял – не сделал – пропустил. Дорожка всегда одна и та же. Кто-то из коллег идет на уступки, позволяя пересдавать долги, откладывая сроки выполнения заданий, но это лишь удлиняет дорожку, не меняя пункта назначения. Что же до нашей кафедры, то лозунг *Ordnung muss sein*¹⁰ висит на стенде у входа.

– Also beginnen wir. Wer will der erste heute sein?¹¹

Как и всегда, первой звук включает Женя. За ее спиной сосредоточенно тащит грузовик по стене маленький брат – сколько ему уже, года три-четыре?

Отправляю в чат остальным ссылку на упражнения по пассивному залогу и жестом показываю Жене: покрутись. Она послушно вертит головой, открывая уши без наушников. В рамке зума Женя с ее резкими, чуть неправильными чертами лица и геометричной короткой стрижкой напоминает портреты кубистов – не Пикассо, а, скорее Глеза. Включает демонстрацию экрана, прикрывает глаза обеими руками и отвечает тему:

– «Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik» ist ein Werk...¹²

Всегда заучивает наизусть, как и советую. Всегда отвечает первой. Чтобы зафиксироваться в статусе лучшей ученицы или чтобы не выглядеть хуже Арсения?

¹⁰ Должен быть порядок. (нем.)

¹¹ Итак, начнем. Кто сегодня хочет быть первым? (нем.)

¹² «Рождение трагедии из духа музыки» – это произведение... (нем.)

Женя заканчивает и отрывает ладони от лица. Ответ хороший, но не безупречный: падежи сбиваются, согласование времен слетает, связки теряются. Перечисляю ее ошибки и пишу в личный чат: 88.

Хмурится, но не спорит. Конечно, можно дотянуть и до 90, до пятерки, – но это не так уж честно по отношению к остальной группе: Женя поступила к нам со знанием языка, так что натягивать ей – *nicht richtig*¹³.

– *Beginnen Sie jetzt Übungen zu machen.*¹⁴

В кадр влезает ее брат с игрушкой.

– *Entschuldigung!*¹⁵ – Камера выключается, затем Женя появляется вновь – уже в пустой комнате.

Восемьдесят минут до конца.

– *Dmitri? Antworten Sie?*¹⁶

Взъерошенный, явно только что проснувшийся Дима в оранжевой толстовке с надписью. Говорит путано, бессвязно, то и дело косится в сторону – может, и правда вспоминает, но, скорее, подглядывает в соседний гаджет. Дожидаюсь пятого предложения, откладывая блокнот и качаю головой:

– *Sie sind nicht bereit.*¹⁷

Дима меня не слышит – или делает вид. Как же раздража-

¹³ Неправильно. (нем.)

¹⁴ Начинайте делать упражнения. (нем.)

¹⁵ Извините! (нем.)

¹⁶ Дмитрий, будете отвечать? (нем.)

¹⁷ Вы не готовы. (нем.)

ет это опоздание реплик: то ли ты говоришь в пустоту, то ли ты пустота и есть. Повторяю. Он кивает и смущенно улыбается.

– Antworten Sie morgen noch einmal. Sie kennen meine Regeln.¹⁸

Завтра он ответит, но оценка будет на 10 баллов ниже. Дима учится плоховато, но заветный рубеж в 70 баллов всё же переползает. В отличие от Никиты, которому стоило всего лишь постараться. Was für eine Enttäuschung!¹⁹ На пересдаче так и сказала: своим дарованием вы распоряжаетесь крайне бездарно. Обиделся – вот и не пришел.

Семьдесят пять минут до конца.

– Nikita ist noch nicht da. Ist er gesund?

– Keine Ahnung, – бурчит Женя.

– So, der nächste ist Arseni, jah? ²⁰

Арсений включает видео, и раздаются смешки: на фоне мем с собакой в огне «This is fine». Качаю головой: «Darf nicht!»²¹ Меняет фон, ставит Брейгеля. Задирает голову вверх и отвечает тему, разгоняя фон руками. Вдруг бросает взгляд вниз и сбивается.

¹⁸ Ответите еще раз. Вы знаете мои правила. (нем.)

¹⁹ Какое разочарование! (нем.)

²⁰ – Никиты так и нет. Он здоров? – Без понятия. – Выходит, следующий Арсений, так? (нем.)

²¹ Нельзя! (нем.)

– So?²² – подгоняю.

Молчит.

– Ирина Михайловна, – раздается непривычно высокий голос Жени.

Все студенты включают видео.

– Was ist los?²³

Женя отрывает руку от губ и произносит:

– Nikita ist nicht... gesund.²⁴

– Hat er dieses Coronavirus?²⁵

Так, группу в любом случае отправят на карантин, а преподавателей? Как же это всё не вовремя...

– Nein.

– Aber was?²⁶

Семьдесят минут до конца.

В дверь Жениной комнаты стучат. Она вскакивает, открывает – мальчик тут же лезет к сестре на руки. Женя садится с братом на место и, видимо, удерживает его слишком крепко. Он вырывается, но сестра будто этого не замечает. Мальчик заходится в крике. Женя всхлипывает, но всё еще не отпускает его. Остальные студенты сидят с выключенным звуком, так что плач Жени и ее брата заполняет всё пространство

²² Ну? (нем.)

²³ Что случилось? (нем.)

²⁴ Никита не... здоров. (нем.)

²⁵ У него коронавирус? (нем.)

²⁶ – Нет.– Что тогда? (нем.)

аудитории, эхом отскакивая от стен. Отключаю Жене звук, и она вылетает из конференции.

Шестьдесят восемь минут до конца.

Звук включает Дима и выходит в режим докладчика.

– Ирина Михайловна, вы только не подумайте... Мы на вашей стороне...

Лицо Арсения на панели сбоку кривится – как будто... в осуждении?

В чат падает ссылка на новостной сайт от Арсения.

– Что это?

Молчание.

– Ребят, если это какая-то шутка...

Молчание.

Открываю.

СТУДЕНТ АКАДЕМИИ ПОКОНЧИЛ С СОБОЙ ИЗ-ЗА СЕССИИ

В ночь с воскресенья на понедельник студент философского факультета Академии Буянов Н. 2001 г.р. выбросился из окна 11 этажа общежития. Студент оставил предсмертную записку, в которой обвинил в своей смерти деканат философского факультета и лично преподавательницу немецкого языка...

Читать дальше

Фотографии нет. Хорошо, что фотографии нет.

Завершить конференцию.

Завершить конференцию для всех.

Выключить компьютер.

Зайти на кафедру.

Взять пальто.

Запереть дверь.

Выйти из здания.

Увидеть машину с надписью «Следственный комитет».

Увидеть мужчину, выходящего из машины с надписью «Следственный комитет».

Увидеть мужчину, идущего ко мне от машины с надписью «Следственный комитет».

– Скажите, это главный вход?

Кивнуть.

– Девушка, вы бы оделись все-таки... И так люди мрут от заразы.

– Зараза – это я.

Он не услышал.

Вдохнуть.

Вдохнуть.

Вдохнуть.

Маска всё еще на столе.

Отчего же мне не вдохнуть?

Маска: остриженная дева

*Но в бурю лучше плыть, спустивши парус.
Зачем пытаться наносить удар,
Когда нет сил?
Софокл, «Электра»*

Медленный вдох. Один, два, три.

И медленный выдох. Один, два, три, четыре, пять, шесть.

Попробуй удлинить вдох до четырех, а выдох до восьми.

Делай это естественно. Не принуждай себя.

Каждый вдох помогает тебе почувствовать границы своего тела.

Каждый выдох расслабляет и отпускает его.

Со временем ты сможешь увеличивать выдох до десяти.

Повторяй эту технику каждый раз, когда теряешь ощущение покоя.

Помни, что можешь найти его в паузах между вдохом и выдохом.

Спасибо тебе за эту медитацию.

Хорошего тебе дня.

...Восемь. Девять. Десять. Вдох. Наконец-то.

Приложение поздравляет с тридцатым завершенным сеансом и напоминает, что подписка заканчивается через две

недели. Надо бы продлить.

Поверх окошка выскакивает сообщение от начкура.

Женя, ты в курсе ситуации с Буяновым?

Да

Нужно написать некролог

На сайт и для стенда

Почему я?

Написать может кто угодно из группы

Мне неважно

Пришли ты

Ты же староста

Ты же староста.

Ты же должна

знать расписание и ведущий профессорско-преподавательский состав

своевременно передавать информацию из деканата

оповещать о сроках выполнения заданий

собирать зачетные книжки и ведомости

неукоснительно следить за посещаемостью и поведением
одногогруппников

отслеживать порядок в группе и разрешать конфликтные ситуации

фиксировать выполнение рабочих обязательств со стороны профессорско-преподавательского состава
являть собой пример образцового поведения

Занятие: состоялось / не состоялось (указать причину)	Не состоялось
На занятии присутствовало	8 из 9
Причина отсутствия: уважительная (болезнь, участие в научном/ спортивном/деловом мероприятии) / неуважительная	

Суицид – достаточно уважительная причина?

Женя, не будьте формалисткой: надо видеть шире, вчитываться в написанное, а не повторять прочитанное, говорит тебе Софья Львовна, репетитор по литературе. А ты объясняешь, что Раскольников убил старуху из-за денег, ведь так – в тексте.

Они всегда так.

Просят отвечать по тексту, но на деле – не по тексту.

Просят выполнять правила, но на деле – правила обходить.

При этом те, кто обходит правила, обходят и тебя тоже.

Например, Арсений, который не закрывает глаза, отвечая текст.

Женя, ты поняла?

Да

Ты же должна писать некролог.

Никита Буянов...

...трагически...

...ушел...

...погиб...

...покинул...

Никита Буянов трагически...

Женя, да, пока не забыла

Напиши про игру обязательно

Что он поступил по ней

Пора посмотреть хоть один выпуск.

«Буянов Умнейшему».

Открылось видео с яблоком на заставке.

Дорогие зрители, я рад вас приветствовать в первом полуфинале 25-го юбилейного сезона передачи «Умнейшему». Напоминаю вам, что по итогам игры девять счастливиц смогут пройти

на бюджетные места в лучшее учебное заведение страны – в Академию! Я рад представить вам нашего сегодняшнего судью – бессменного руководителя философского факультета Академии Аникеева Василия Евгеньевича. Особенно приятно видеть его у нас в гостях в юбилейном сезоне, поскольку Василий Евгеньевич – добрый друг нашей передачи, который 25 лет назад и предложил ректору опробовать телевизионный формат конкурса на поступление.

Итак.

Сегодня на дорожки выходят:

Никита Буянов,

Кира Вишнецкая,

Альбина Макеева.

А тема нашей игры – Древняя Греция. По случаю юбилея, я повторяюсь, 25-летнего юбилея, мы обращаемся к месту, где зародилась первая Academia.

Итак, наши участники уже встали на свои дорожки по результатам жеребьевки в предыдущем туре: Буянов Никита занимает красную дорожку, а это значит, что он не имеет права на ошибку; Альбина Макеева находится на желтой и может ошибиться лишь раз, а Кира Вишнецкая оказалась на самой длинной, но и самой безопасной зеленой дорожке, которая дает возможность ошибиться дважды.

– Никита, мы начинаем с вас. Выберите тему: спорт, театр, война, закон.

– Спорт.

– Превосходный выбор, я бы даже сказал, поистине

мужской. Говорю об этом неслучайно, ведь вопрос у меня гендерно специфический, я бы даже сказал, в чем-то сексистский. Как известно, Олимпийские игры зародились именно в Древней Греции, однако женщинам участвовать в них запрещалось. Какая альтернатива была у женщин во время проведения Игр?

– Если не ошибаюсь, у женщин были свои отдельные соревнования. По бегу.

– Не ошибаетесь. А кому были посвящены эти соревнования?

– Я помню, что в них чаще всего побеждали спартанки, поскольку именно в Спарте мальчиков и девочек физически воспитывали одинаково строго...

– Верно, верно, но вы не ответили на мой вопрос, юноша, не увиливайте. В честь кого?

– Предположу, что...

– Верховный бог у нас кто, ну?

– Зевс.

– Вот и думайте.

– Гера?

– Конечно же, это Герейские игры! Переходите в следующий этап.

Альбина, выбирайте.

– Закон.

– Вы, конечно же, помните царя Эдипа, так?

– Да.

– У него были дети. Дочь...

– Антигона.

– Верно, но это еще не вопрос. А вопрос такой:

какая именно юридическая коллизия рассматривалась в трагедии Софокла «Антигона»?

Молчание.

– Ну же, давайте рассуждать.

– Я не знаю.

– Что ж, у вас есть право перейти в следующий тур со штрафным очком. Кто из наших агонистов готов ответить и получить дополнительный балл? Отлично, Никита, я в вас и не сомневался.

– Дело в том, что в трагедии рассматривается конфликт двух разных законов: обычай против государства, уважение памяти предков против уважения верховной власти. По закону семейному, Антигона должна похоронить брата. По закону государства, ее брат – преступник, враг и не имеет права на погребальный обряд. Если Антигона хоронит брата, она идет против воли Креонта и нарушает закон. Но если не хоронит, тоже его нарушает.

– И вы совершенно правы! Василий Евгеньевич, зафиксируйте, что у Буянова есть дополнительный балл. А мы переходим к Кире Вишнецкой. Выбирайте тему.

– Театр.

– Итак, представьте себе театральное представление. Зрители, сцена – или, как говорили древние греки, «сцена». И актеры. Представили?

– Да.

– А теперь, барышня, скажите-ка мне вот что: сколько всего актеров участвовало в одной постановке?

– Насколько я помню, участвовало всего три актера.

– А как же они могли это делать, а? Неужели в трагедиях, сатирических драмах, комедиях у нас всего по три героя?

– Нет, но одновременно на сцене присутствовало не больше трех действующих лиц. Помимо хора, конечно.

– А как же они это делали – технически?

– При помощи масок. Актер вообще не играл лицом, только маской своего героя.

– А какие у нас герои были, не припомните? Главные, не главные?

– Протагонист.

– Так.

– Дейтерагонист. И... триагонист.

– Прекрасно, прекрасно, Кира! Не буду вас мучить и позволю перейти в следующий раунд нашего с вами агона.

Дорогие зрители, а я напоминаю, что вы смотрите телевизионную олимпиаду «Умнейшему», по результатам которой девять счастливых прямо из нашей студии попадут на первый курс Академии.

Сегодня мы наблюдаем за ожесточенной борьбой на дорожках. Если Никита Буянов прямо сейчас отвечает верно, то он автоматически обходит своих прекрасных конкуренток и попадает в финал.

Итак, вам, Никита, достается война. Вы, конечно же, помните Греко-персидские войны, не правда ли? Был такой царь – Крез. И вот Крез пошел войной на Кира, оказался в плену и должен был быть казнен. Однако

накануне казни он сказал нечто такое, что Кир был вынужден его помиловать. Что же. Он. Сказал.

– Если я не ошибаюсь, он...

– Да?

– Он сказал, что Кир погубит великое царство.

– Нет, Никита, увы, нет. Пока стойте. Кто готов ответить? Альбина, прекрасно.

– Крез вспомнил слова Солона о том, что о счастье человека можно судить лишь по финалу его жизни.

– Что он имел в виду?

– Крез был оскорблен тем, что Солон не согласился считать его самым счастливым на свете. Тогда Солон объяснил, что счастливым называть стоит не того, кто жил счастливо, но того, кто прожил жизнь и умер с честью. Услышав это, Кир понял, что и его может постигнуть участь Креза, поэтому велел отпустить пленника.

– И это правильный ответ! Альбине остается шаг до победы, однако у Никиты есть в запасе еще один балл. Василий Евгеньевич, дадим отыгаться? Отлично. Юноша, готовы идти в блиц?

– Да.

– Я напоминаю нашим зрителям, что блиц включает пять вопросов, ответить на которые надо за тридцать секунд. Если Никита не отвечает хотя бы на один, то выбывает из соревнования навсегда, без права отыгаться в дальнейшем.

Итак, тема блица – Троянская война. Засекаем время. Поехали!

Сколько длилась Троянская война, согласно Гомеру?

– 10 лет.

– Где всё это время находилась Елена, если верить Еврипиду?

– В... Египте. Она была эфиром...

– Кто такой Пелеид?

– Сын Пелея... Ахилл!

– Где царили Менелай и Агамемнон?

– Менелай в Спарте, а брат в Микенах.

– Другое название Трои...

– Турция.

– И... время вышло! Однако я прошу у судьи дозволения уточнить последний вопрос. Дело в том, что Турция – верный ответ, если говорить о нынешнем названии и географическом положении Трои, но если мы обратимся к Гомеру, то как он называл...

– Илиада...

– Илион, и это правильный ответ! Знакомьтесь с нашим первым финалистом, который блестяще отыгрался всего за полминуты!

А я напоминаю дорогим телезрителям, что уже через неделю пройдет второй полуфинал олимпиады, по результатам которой наш ректор, наш верховный архонт, в прямом эфире примет в большую семью Академии девять счастливиц.

А что там в комментариях, интересно?

Мальчик умница такой, а этой блондинке

даже губы дуть не помогло, сразу видно, что москвичка...

«Эта блондинка» – видимо, Альбина Макеева. Альбина, которая играла по правилам: ошиблась раз, ответила верно и могла продолжить игру. Кира Вишнецкая играла по правилам и ни разу не ошиблась, хотя имела право.

Никита Буянов ошибся на той дорожке, где ошибаться нельзя.

И ему дали отыгаться.

Никита Буянов не успел дать верный ответ, а потом снова дал неверный.

И ему дали отыгаться.

Говорят, что мир взрослых живет законами и правилами, но у кого-то есть ключ, а у кого-то отмычки, взламывающие правила по ходу игры, поэтому Никита Буянов понравится ведущему и обойдет Киру Вишнецкую, черепаха выберет траволатор и обгонит Ахилла, а ты попадешь в квадрат морского боя, где ранит всё, что не убило.

Ты меняешь три школы: рейтинг выше, выше, выше. Каждый раз нужно доказывать учителям, что можешь лучше, а одноклассникам – что не хуже. Каждый раз проваливаешь предметные олимпиады, замирая на уровне района, но каждый раз пытаешься заново. На «Умнейшему» тебя даже не берут, поэтому с девятого класса ты ходишь на курсы подготовки при Академии, а с десятого ездешь по репетиторам –

только лучшим, а только лучшие не приезжают на дом, так что, несмотря на все свои пятерки в дневнике, ты после школы едешь на другой конец города, три часа сидишь над математикой, которая вроде бы такая же строгая, как и ты, но в голову не лезет, а без пятерки по математике не выйдет медаль, а без медали не выйдет дополнительных баллов при поступлении, так что сидишь и тупо смотришь в это задание из второй части, надеясь на просветление, а в десять вечера выходишь в Ясенево, и ехать тебе час, а по пробкам будет еще дольше, чем в метро. Ты просыпаешься в Свиблово (поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны): пропустила пересадку; плетешься в вагон метро напротив и едешь, утыкаясь в телефон, чтобы не проспать снова, и домой ты попадешь уже к двенадцати, а в полседьмого вставать, чтобы сделать зарядку, зарядку надо обязательно, нужен золотой значок ГТО, а это: бег, подтягивание из виса лежа 20 раз, отжимание 20 раз, наклон вперед (можно 15, но лучше 20), пресс, кросс, стрельба, прыжок в длину, а ты недопрыгиваешь до золота, роста не хватает, но надо стараться (плюс два балла, с медалью – все пять!), и всё это с домашкой, едой и отдыхом по таймерам не просто так, а ради той самой награды, которой станет твоя фамилия в списке зачисленных в Академию.

И ты получаешь свое золото – сначала на испытаниях, потом на школьной сцене, когда директриса, объявляя тебя, чуть-чуть промахивается и вызывает Евгения. Ты сдаешь экзамены на 95+, ты молодец, ты золотая девочка, так что тебя

с радостью возьмет любой вуз.

Но кто сказал, что Академия – *любой вуз*?

Ты проходишь по баллам на бюджет во все вузы своей френдзоны, но срезаешься в универ мечты, недобирая три балла до поступления.

Специально для таких, как Вы, Академия предлагает систему скидок на обучение. С учетом Ваших проходных баллов мы готовы зачислить Вас на первый курс платного отделения со скидкой в 50 %. Если три семестра подряд Ваш рейтинг удерживается выше 90 баллов (оценка «отлично»), а также в случае освобождения места Вам будет предоставлена возможность перевестись на бюджет...

Ничего страшного, говорит тебе мама.

Да вытянем, говорит тебе папа.

Ты же умница, говорит тебе бабушка.

Это же Академия, сказал бы брат, будь ему не три года.

Это же только три семестра, говорят тебе они.

И ты видишь, что свет мелькнул всполохом – и снова спрятался, еще на полтора года.

И ты приходишь первого сентября, уже зная, что *просто учиться* нельзя – учиться надо лучше всех.

И ты слышишь, что мальчики пришли за знаниями, а де-

вочки – за мужьями, бюджетники пришли за знаниями, а внебюджетники – за дипломом.

И ты понимаешь, что на эти Олимпийские игры тебя никто не звал.

Вот тогда ты и решаешь разок попробовать допинг. Ты записываешься в нулевую группу немецкого, хотя учила его в школе три года. Ты всего лишь хочешь разгрузить три пары в неделю, чтобы набивать рейтинг всем, что даст баллы для перевода. Поэтому ты староста, ты ведешь группу курса в соцсетях, ты участвуешь во всех уважительных мероприятиях – спортивных, научных, административных, – которые не суицид.

Ты приходишь на первую пару немецкого со своими летними курсами в Ляйпциге и Хайдельберге – и сразу замечаешь, что остальные, играя не по правилам, не собираются прощать этого другим. Ирина Михайловна после первого же занятия просит тебя задержаться и предлагает перевестись в продолжающую группу. Ты отказываешься, пугаешься и начинаешь слегка *забывать* язык, делая вид, что не так уж уверена, какой там артикль у Haus. И ты спокойно играешь эту роль почти год, пока не ловишь себя на страшном – на том, что, может быть, ты действительно не так уж уверена в этих самых артиклях и окончаниях прилагательных. И ты видишь, как остальные – тот же Арсений – начинают тебя обгонять. И ты закрываешь первый курс на все 90+, вот только немецкий едва-едва вытягиваешь на пятерку.

Ты снова следишь за рейтингом и снова видишь, что тебя задвигают, — как и год назад, когда почти в прямом эфире твои проходные 392 балла из 400 съезжали всё ниже — из-за победителей, призеров, квотников. Тогда, сидя на даче с зыбким интернетом, ты обновляла сайт Академии чаще ленты инсты, а кружок всё крутился, крутился, крутился, пока не докрутился до того, что очередная фамилия с пометкой «без экзаменов» не выбила тебя за порог, а ты ничего не сказала бабушке, которая пекла на кухне блины (знала бы ты только, что следующей весной бабушку увезут на скорой и больше ты ее не увидишь даже в гробу), ты пошла в сад и под завывание соседской колонки «Моя оборо-о-она» принялась голыми руками драть сорняки, опутавшие бабушкины флоксы, особенно налегая на вьюнки, которые хороши, симпатичны, милы, просты, но только в поле, в поле, не в бабушкином палисаднике, ну и что, что флоксы не так уж отличаются от вьюнка, ведь только одни цветы достойны заботы, а другие — упрямые, въедливые, цепляющиеся за руки — недостойны ни-че-го. А потом пришла бабушка и наругала за то, что ты и руки попортила, и цветы натоптала, а еще блины уже сколько стоят-постывают, ты есть не идешь, и ты кивнула, и заперлась в ванной, и там уже отрыдалась всласть, но в этих слезах было и облегчение, то самое облегчение от поражения, сродни тому, когда Тёма прямо перед выпускным написал, что ты ему как сестра, и пусть это даже обидно, но честно, и Тёме ты больше не писала сама и не

отвечала тоже, так что зачем же ты, дура, все-таки прочитала то письмо от Академии, где тебе сказали: да, дорогая, ты сорняк, а не роза, но, может, попробуешь исправиться?

И вот ты, подменяя свою ДНК, вьешься вверх, а там, на альпийских лугах Академии, тебя встречают селекционные эдельвейсы из последней коллекции. И да, наверняка их путь в Академию занял годы – те же годы, что и у тебя, а может, и больше, – но ты-то этот путь не видела, ты видела их только наверху, как будто их туда привез вертолет. И самое смешное, что ты ловишь тот же взгляд на себе: на единственную в группе москвичку и платницу смотрят так, будто бы к порогу Академии тебя доставил личный «ягуар». А родители смотрят на тебя с надеждой, ведь бабушкины квартиранты съехали еще весной, как начался карантин, и маме срезали зарплату на треть, а садик у Моти стоит как самолет, и денег на следующий семестр у вас нет.

Так что ты отличница, которая бесит всех, ты – та самая девочка, которая вскидывает руку раньше, чем успевают задать вопрос, ты – заучка, которая шпарит по учебнику, не отступая в сторону ни на шаг, – а только шагов от тебя и ждут. И ты замечаешь, что такие, как ты, не нравятся, ведь нравятся не те, кто хочет нравиться, а те, кто не оставляет равнодушным, а кто ты? – ноль, место не то что пустое, место не-полное, место, которому не могут подобрать определение (помнишь, как в школьной постановке ты играла дерево за окном поезда?), поэтому и говорят: «Неплохо, неплохо,

Женя», тут же переключаясь на других, которым дано быть плохими, хорошими, талантливыми или бездарями, какими угодно – только не «не». Но это еще ничего, ничего, когда ты «ничего», но тянешь на 90+, ведь хуже всего другие, те, заботливые, участливые, которые ставят 88 и говорят: «Постарайтесь, вы можете лучше», а в этом «можете» всегда сквозит «будь». Хуже всего те, кто видят в тебе одну лишь заготовку для лучшей версии, – те, с кем ты играешь в игру, где надо догадаться, что же ты такое, когда на лбу у тебя стоит:

недостаточно хороша

недотягиваешь

недостойна

недо

Ты стрела, которая замерла в воздухе, стрела, которая вроде как не убьет, не ранит и даже мимо не прилетит, – ведь она не летит, она обречена на обездвиженность. Ты – стрела, которой не суждено поразить цель. Но ты упрямишься, считая, что от цели тебя отделяет один шаг, забывая, что этот шаг распадется на половину, а половина на половину, и так до бесконечно ополовиненных половин, так что три балла до проходного, два балла до 90 распадаются на баллы и баллики, не оставляя тебе шанса пересечь финишную черту, но ты всё еще надеешься обойти правила, ведь тебе не нужно обходить всех – достаточно обойти одного, так что ты готовишь документы, встаешь в очередь, подлизываешься к начкуру, выжидая, когда же тот один вылетит.

И ты, конечно, можешь ему написать, что Ирина Михайловна готова принять его на консультацию и внеочередную пересдачу хвостов без комиссии. А можешь и не писать, ведь он всё равно вылетит, ведь это дело времени – того самого времени, которого у тебя нет, потому что ты уже знаешь, что путь к отчислению снова распадется на отрезки, пока не превратится в прямую, но ты не знаешь, что Никита Буянов найдет способ прекратить движение и стать стрелой, долетевшей до цели.

Никита Буянов трагически...

Никита Буянов трагически поступил в Академию.

Маска: молодая женщина

*Ты одобряла брата, но убийство
Я совершил один. И упрекать
Электру невозможно.
Еврипид, «Орест»*

– Ника, ответь, пожалуйста.

ника, ника, ника бескрылая, ника не улетит, пусть даже хочет, очень хочет улететь куда-нибудь, куда угодно – на балкон студии в центре Тбилиси пить саперави, отламывая кусочек горячей аджарской лодочки, на окраину Финки пополнять запасы лакрицы, Дима ее не выносит, мне же больше достанется, или в какую-нибудь хитрую Европу, например в Люксембург, чтобы сгонять еще и в Германию с Францией, запутавшись, где какой язык, потому что на границе говорят по-немецки, а формулы вежливости используют французские, интересно, что именно формулы вежливости, ведь прошлым летом я проездом бывала в Эстонии, и там молодые эстонцы русский не знают, зато матерятся только так, как у нас «факами» говорят уже, наверное. я помню, как мы пришли на центральный рынок прямо за вокзалом, а мясник с акцентом спросил, сколько нам ебануть, и улыбнулся еще так, приветливо, а я в ответ тоже улыбнулась и сказала, что ебануть можно немножко, грамм триста, это же на ужин (мясо, мясо, зачем я думаю о мясе, мамочки, стошнит, сейчас

стошнит здесь же), я хотела с ним поболтать, но Димка тащил меня уже дальше на фудкорт вглубь рынка, рынка – так странно, что эти навороченные лофты с манго-шейками теперь называют рынками, а я ведь помню совсем другие, когда стоишь на картонке и меришь турецкие джинсы со стразами, а в просвет шторы видно других покупателей, и дядька напротив щурится и облизывает губы, а ты не прячешься, но думаешь со злорадством, что от мороза губы у него склеятся. даже в Москве «рынок» десять лет назад был Черкизонном, а теперь это Усачевский, где гранат по зернышку продают и зовут пробовать кухни стран мира, но ника не хочет пробовать кухни стран мира на рынке, ника хочет на рынки стран мира, но может поехать лишь в Стамбул – этот новый Сочи-2020, куда едут все те, кто, как и ника, не собирался проводить лето на курортах Черного моря

ника не улетит, как бы ни хотела улететь куда угодно подалее отсюда, как она придумала давно, еще в детстве, когда падала в обморок, притворялась, конечно, притворялась, подсмотрела в мультике, что так можно обратить на себя внимание, можно отвлечь, а можно и спрятаться, спрятаться от всего, от этого страшного, ведь нику всё еще мучит один и тот же сон, что она идет по дому, больше похожему на дворец, а вокруг разлито красное и она знает, что это кровь, но еще не знает чья, и ника зовет маму, зовет папу, но никто не отзывается, а двери закрыты, и она один на один с этим домом и страхом, что за ней никто не придет, как в том злом

анекдоте, где сначала они пришли за евреями, потом за коммунистами, а меня из садика так никто и не забрал

нику не забрали из садика, нiku приковали цепями к скале, так что ника не может двинуться с места, ника не может бежать, ника не может, не может, не может, не может, но ника должна, должна открыть глаза и сказать: да, это он, это мой брат никита, никита, никита, мой младший брат никита, который родился таким слабым, что не мог открыть глаза, прямо как я сейчас, и маме его не отдавали месяц, и он лежал там, в палате, весь утыканный трубками, а я смотрела и не верила, что он настоящий, потому что настоящие дети совсем не похожи на тех, которых показывали в телевизоре, таких пухлощеких пятимесячных новорожденных, потому что никто не покажет настоящего новорожденного – страшный, сморщенный комок, который фу, непонятно, а у мамы всё еще живот и я жду, когда же появится тот ребенок, который настоящий, как сейчас жду, когда мне покажут настоящего никиту. но это всегда и был настоящий никита, никита, никита, которого я помогала купать, а он смотрел на меня так, как никто и никогда больше не, как умеют смотреть только дети – совершенно абсолютно безгранично доверяя, так что ты, даже если и хочешь дернуть его за этот бесячий пальчик, ущипнуть, и уже тянешься, ведь папа папа папочка ушел из-за него, но натыкаешься на этот взгляд, и отводишь руку, и целуешь этот миленький маленький пальчик, ведь вас всё равно трое, да, папа ушел, но пришел никита, и кто сказал,

что теперь будет хуже, кто это сказал, сказала, сказала, конечно, это сказала она

папа остался там, где остался никита, где никиты больше нет, какая теперь разница, что с телом дальше, если *дальше* больше нет, как он смел, зная, что *дальше* нет, нет вида на надежду, надежда умирает, когда врач в белой комнате выдвигает полку холодильника, а там нетнетнетнет не надо пожалуйста не хочу не могу убрать вытереть санитайзером вот так лучше потрогать лицо вдохнуть запах спирта здоровья димы больницы морга нетнетнет не могу выйти отсюда куда угодно в курилку там курят если курят то живут ведь мертвые не курят, но здесь не курят, здесь морг, мамочки, всего четыре буквы, да в слове «четыре» букв больше, но почему так страшно, надо с этим что-то делать, надо переставить – гмо, хорошо, так, да, гмор, рогм, мгор – всё страшно, как ни переставляй, мамочки, мамочки, мамочка, за что нам это, как я скажу, а ты звонила уже три раза, не ответила, не могу сказать: мама, это никита, это наш с тобой никита, который выпал из окна, мама, выпал, выпил и выпал, покурил и выпал, понюхал и выпал, выпал, выпал, выпал, мамочка, не вышел, почему же ты, почему ни мне ни маме ни папе не, да потому что! с папой не разговариваете, папа ушел до того как ты мог назвать его папой, да мама не то что на кило, мама и на миллиметр его не подпускала, и с мамой папа почти не разговаривал, а мама с ним, так бывало и раньше, еще до твоего рождения, никита, знаешь, мама умеет играть в

молчанку, лучше б кричала, лучше б ругалась, только не это, она и со мной так делала, когда я бросила танцы, а с папой постоянно, поэтому, никита, я была передайсвоему папечто, почему была, я и осталась, ведь папа решает с похоронами всё, а мама не решает ничего, но будет говорить передайсвоему папечто, не беру трубку, не хочу передавать, поэтому ты не позвонил мне, ведь я сама скинула такое злое голосовое таким злым голосом, как я умею, как я умею от мамы: никита, давай ты уже будешь решать свои проблемы с мамой сам, не маленький в конце концов, почему ты не берешь трубку, а она закатывает сцены мне, а ты ничего не ответил, обиделся, а я подумала, ну и поделом, не понимая, что в этот момент победили они победили буяновы, которые воюют не зная за что, а я переговорный пункт, как и положено во всякой войне, пусть и бессловной, меня захватывали первой, а я устала, поистаскалась, мне скоро тридцать, флаг растерял белизну, можете больше не кипятиться, флаг повержен как враг, а значит война, война забирает слабейших, и слабейшим был ты, никита, а следом я, и я хочу могу должна помнить, что ника богиня с крыльями, ника вот-вот полетит с катушек, но ника боится летать как никита, ника боится смотреть в окно, ника боится боится боится

– Ника, давай уже в машину. Я всё решил.

от папы пахнет папой шепчет всё пройдет это тоже утыкаюсь в грудь где сердце где татуировка с группой крови той же что у меня той же что у никиты той же что у никиты была

была была как привыкнуть к тому что была а больше не будет и что думает папа раз кровь его течет теперь лишь во мне и ни в ком больше папа хотел сына я стала ему всем а никита не стал даже пасынком и папа только передай-своему-брату никогда не сыну никогда не никите только ему и повторял не-говори-что-от-меня лего робот скейт читалка плеер айфон планшет сказала маме что ролики от папы ролики у мамы закатились за шарики и так страшно катились катились катились вниз по лестнице как будто хотела чтоб вниз по лестнице катилась я катилась прочь катилась вон катись к отцу в свою Москву спрятаться от телефона с мамой папа спрятался в Москву спряталась за ним никита с мамой один очень очень очень любила

никита сбежал а я заботиться должна старшая сестра стар-
шая не хотела жить вместе ведь дима дима мой дима спе-
циально говорила в общаге друзья тусовки девушки тиндер
офлайн настоящее студенчество говорила я которая ни дня
в общаге сосед наглец пялился в вырез не предложила пере-
ехать однушка своя в ипотеку папа внес половину остальное
сама сама что-то могу я сама а мама говорит что я без него
ничего не могу папа дает деньги папа всегда платил не знала
когда стипендия папа пристроил на работу всё папапапапапа
папа мне папа не никите

– Так, зайчонок, давай тебе что-нибудь возьмем. Кофе, шоколадку, булочку? Ты совсем уж цвета штукатурки.

цвета комнаты с белым потолком как он может после этой

комнаты шоколадку в животе ругается с утра ничего только воду воду воду смыть запах комнаты без вида на хватит звонить мама ты же не плакать утешать жалеть ты и слов таких не мама ты только передай своему папечке и Вероника Вероника Вероника поменяла имя в паспорте на нуку но ты всегда только Вероника Вероника не слушается не встает в третью позицию бросает танцы не следит за братом поэтому над левой бровью шрамик больше нет никита упал одиннадцатый этаж нет шрамика ничего нет не будет больше хватит мне звонить!!!

– Обожглась? Так, не дергайся. Давай сюда стаканчик. Держи салфетку. Ничего, ничего, ну забрызгала и забрызгала, ерунда. Ну что ты, Никуля, ну-ну-ну... Зайчонок, что мы могли сделать? Вы и не жили вместе. Да и он взрослый парень, не мальчик. Мы за него не в ответе. Это его решение. Плохое решение. Но его. Имел право.

право право какое право у папы так говорить как будто он не Буянов а пятиюродный племянник бывшей жены брата тестя шурина троюродной свекрови не понимала почему папа с никитой *так* пока он сам не сказал что *так* лучше для всех тогда я поняла что для всех это для нее для ее шариков в роликах ведь почему-то папа всегда делал так как хотела она не хотела чтобы никита был с нами с папой со мной хотела чтобы он был с нами с мамой со мной или без меня

– Не накручивай себя только, слышишь? Как мать, честное слово. Стоит в голову что вбить, так спасу нет. Твой се-

годня где? Опять в больнице? Ну и что, знаешь, вот не умирают, если отпросится. Когда бабка твоя умерла, я вообще в другом городе был. Ничего, первым рейсом сорвался, а твой для тебя не почешется. Он тебя точно не обижает?.. Ладно-ладно, за тебя волнуюсь, еще домой заразу при- тащит... Сама такого выбрала.

выбрала диму

выбрал окно

– Ну кто так паркуется, а? К подъезду никак, Никуля. Здесь высажу, ладно? Нет, Ника, надо ехать, еще свидетельство делать. Как решу, сразу позвоню. Давай-ка, зайчонок, попей чаю, душ прими, поспи. Это поможет. И ты слышала его, да? Одежду с длинными рукавами надо. Договорились? Только держись. Раскисать нельзя, Никуля.

Папа уехал. Дима в больнице. Никиты нет.

Надо ей позвонить.

Папина инструкция:

надо держаться

надо не раскисать

Диминая инструкция:

надо снять маску

перчатки

выбросить в урну у входа

оставить в прихожей ботинки и пальто

протереть ручку входной двери

выключатель в коридоре

открыть дверь в ванную локтем
мыть руки тридцать секунд
промыть кран
затем снова руки
и снова руки
и снова руки
и снова
Звонок.

Мамина инструкция:
надо взять трубку
надо взять
надо
сбросить.

ВЕРОНИКА! ПОЧЕМУ НЕ БЕРЕШЬ?

в метро, шумно очень

Ты была там?

да

Что теперь?

папа займется свидетельством
надо подобрать одежду, гроб и урну

Урну?

да, они разные, как гробы

Какую еще урну?

для кремирования

С КАКОЙ ЭТО СТАТИ????

в Москве всех кремируют

ПЛЕВАТЬ МНЕ КАК В ВАШЕЙ МОСКВЕ

он сам хотел, чтобы его кремировали

ХОТЕЛ?

да, мы это обсуждали

ТЫ ЧТО, С НИМ ЭТО ОБСУЖДАЛА?

Мама, ты могла бы стать прокурором. Как тебе только не надоедает играть в эту игру – возвращать слова и смотреть, как оппонент извивается, оправдываясь не за высказанное,

а за услышанное?

мама можно я завтра пропущу танцы завтра пропустишь танцы я хочу посмотреть передачу хочешь посмотреть передачу да она в то же время мама но я очень хочу ты очень хочешь смотреть передачу утренняя звезда мама утренняя звезда утром я хочу передачу а не танцы только в воскресенье только в воскресенье раз в неделю мама раз в неделю не хочу завтра на танцы зачем ты ее заставляешь тебя никто не спрашивает отстань от ребенка не видишь не хочет она ты же только и делаешь там что ее шпыняешь и орешь Я ТОЛЬКО И ДЕЛАЮ ЧТО ОРУ? ну началось Агния со мной это не пройдет ника если не хочешь на танцы можешь не ходить слышишь папа разрешает а мама а что думает мама в этом доме всегда НАПЛЕВАТЬ!! могла бы уже привыкнуть Агния ну что ты опять устраиваешь ребенка зачем изводишь сколько можно ну хватит злиться никто тебя здесь не обижает мы все тебя любим иди ко мне РУКИ УБЕРИ

На этот раз ты права. Мы действительно обсуждали это.

мы оба хотели кремацию

Хотела ТЫ А он ПОВТОРЯЛ за тобой. ВСЕГДА!

Мама, я тоже умею в твою игру.

он повторял, или его повторяли?

Повторяли?

эй, никита, посмотри на меня, делай, как я, делай, делай, как я, только я делала всё, что хотела, а никита делал всё, что хотела ты, и если я просилась на английский (английский, а не танцы, мама!), это еще не значит, что никиту надо тащить на курсы с трех лет, с трех, мама, камон, о чем ты вообще думала, конечно, он не выносил английский и вообще иностранные все, и зачем только эти бесконечные клубы раннего развития, ведь когда он пошел в школу, это не помогло, помогло в учебе, но школа не про учебу, и он был этим замумным умником, которых не любят, а я защищала его от тех, кто не любил особенно, но сделала ли я этим лучше, не знаю, и да, мама, если я проскочила в Академию по конкурсу для детей начала девяностых, где полтора землекопа на место, это еще не значит, что никите в Академию НАДО, что НАДО готовиться к ней, но это же я получила PhD, это же я стала кандидатом наук, так что он не мог стать кандидатом на отчисление, это я сказала, что выбирать надо лучшее из доступного, а Академия всегда будет лучшим, а доступным было окно, и выходит, это я делала так, чтобы никита делал, а значит я теперь должна делать, как никита

мама, а чего ты хочешь?

крест? могилку? отпевание?

Пусть ГОСПОДЬ приглядывает за моим сыном.

раз не уследила я?

Не отправила. Стерла. С ней разговаривать – что лить санитайзер на расцарапанную руку. Яд вместо слов, кислота вместо крови. Как у Чужого. Мама и была мне чужой: в детстве я любила представлять, что меня ей подбросили. Я спрашивала об этом у папы, а он засмеялся и сказал, что можно подделать отцовство, но не материнство. Даже кровь ее – четвертая, отрицательная – никому из нас не подходила, ни с чем не сочеталась, как не смогла хоть с кем-то просочиться мама, только лишь бракованным браком, которым она забраковала папу так, что он до сих пор считает, что ей должен, и даже в завещание включил не только Катю, меня, Никиту, но и её, хотя казалось бы, и я могу сейчас ей это бросить, плюнуть ядом, как делает она, но не стану, ведь так я стану ей, я уже становлюсь, и даже Дима говорит, что я бываю *невыносима*, а как объяснить, что, стоит мне разозлиться, как выносить себя мне невозможно, и я превращаюсь в кого-то другого, в ехидну, как будто в нашу с папой человеческую кровь впрыскивается материнский яд, и вот я становлюсь ей, извиваюсь, ищу жертву, ищу, кого бы укусить, и кусаю Диму, и единственный способ прекратить всё это – это увидеть себя глазами маленькой Ники и сказать: хватит,

я не такая.

Никиту не будут отпевать. Не положено

Мама печатает

Мама печатает

Мама печатает

Знаешь, Вероника, на каких только похоронах мы с твоим папой не бывали. Такую шваль хоронили, что им на городском кладбище свою аллею сделали. И ничего. Всех отпевали. Никита уж точно НЕ ХУЖЕ! Так что передай СВОЕМУ ПАПЕ, что я на кремацию НЕ СОГЛАСНА

не хочешь сама ему это сказать

Не хочу.

Поезд прибывает в 21:17 на Казанский.

Платформу напишу.

Мама не в сети

Мама не в сети, мама не забрала меня из детского сада, так что я сижу одна в раздевалке, а воспитательница в очередной раз набирает телефон, и вот спустя час она заявляется, вцепляется мне в руку своими царапучими кровавыми ногтями, тащит к машине, а я роняю Микки Мауса, хочу поднять, но она как будто нарочно тянет вперед, выкручивая руку, а я вырываюсь, и вот она резко отпускает, так что

я падаю на асфальт и кричу, что не хочу с ней ехать, а она просто берет, просто садится в машину и просто уезжает, а я остаюсь на асфальте и жду, когда же она вернется и будет просить прощения, ведь она обязательно вернется, ведь так не бывает на свете, но ее всё нет и нет и нет, и тут уже я начинаю плакать по-настоящему, а из садика выходит воспитательница с сумкой, ахает и уводит меня обратно, и вот мы с ней звоним сначала домой, а потом ищем телефон папы, а я так боюсь, что папа тоже не услышит и не придет, но папа услышал и папа пришел, ведь папа не мама

Дима в сети

Ник, ты чего не отвечаешь? ты как?

а ты как думаешь?

я могу что-то сделать?

нет

ты на меня злишься?

Не отвечаю.

Ник. мы же договаривались

у тебя дежурство, я понимаю

но?

но мне плохо

еще и она приедет

мозг вынет весь

может, в гостиницу ее все-таки?

нет

давай тогда я заберу ее с вокзала,
а сам у Кирилла заночую. сойдет?

да

люблю тебя

и я

Чат ниже с Никитой. Перехожу на страницу, уже забро-
санную соболезнованиями. Надо бы узнать, как блокируют
мертвые души. Щелкаю по аудиозаписям и включаю послед-
нюю: «...и жду, когда загорится красный на пешеходном, и

никогда не шагаю — жалко водителей». ²⁷

Мне тринадцать, мама ставит в районном ДК выступление своих снегурочек-снежинок, поэтому велит отвести никиту на новогодний утренник, а я проспала будильник, а никита как всегда закопался в одежде, так что мы опаздываем и перебегаем на красный, а водитель орет на нас из окна, а я показываю ему фак, а никита спрашивает, что это такое, и мы приходим на этот дурацкий капустник на полчаса позже, так что непонятно, какие претензии у пожеванного волка к грязному снеговику или у грязного снеговика к пожеванному волку, а никита, серьезный никита в свои шесть лет на полном серьезе выдает, что это всё для детсадовцев, и требует сладкий подарок, а потом мы сидим в парке, он болтается на качелях, шарится в коробке, делит конфеты на меня, маму и себя, высчитывает, чтоб всё по справедливости, всё поровну, но маме достается больше всего «Ромашек». А я ему говорю, что пусть заберет мои конфеты, но только не рассказывает маме, как мы опаздывали и перебегали на красный, и чтоб именно я показывала водителю, и это будет наш с ним маленький секрет, и никита говорит, что он любит секреты и он хочет рассказать по секрету, какие плохие слова ему передала Маша из пятого подъезда. И мне нравится, нравится быть такой классной сестрой, с которой делятся секретами, пусть даже нехитрыми, типа того, что Маша говорит «жопа», а не «попа», а никите очень надо знать, в чем же существенная

²⁷ «Элли на маковом поле» — «Любовь моя».

разница, ведь никита такой, не отстанет, пока не докопается, и мы его даже проверяли на аутичный спектр, учительница подсказала, когда он Ницше в девять лет цитировать начал (у меня стащил читалку и давай «Заратустру» щелкать), но нет, никакого аутизма, просто так много-много-много думал, что додумался до такой жопы как выйти в окно в девятнадцать лет, а я, его классная сестра, даже не поняла, хотя весной, еще на первом локдауне, когда их погнали из общаги, а Дима застрял в больнице на карантине, никита остался у меня, и мы говорили, так много говорили о многом всём, даже о кремации, ведь кремировали всех от заразы подальше, и я сказала, что мне ок, гнить не хочу, а никита сказал, что ему тоже ок, вот только мама, наверное, будет недовольна, а я фыркнула, что он, конечно, переживет маму и какая уже разница, и это было полгода назад, и я могла бы понять, что он не собирается переживать маму, но я не поняла, ведь если бы я только поняла, я бы сказала, я бы много чего сказала, я бы доказала тебе, никита, как юрист доказала, что так нельзя, что это тоже убийство, тоже насилие, ну и что, что над собой, ведь это преступление, никита, и до двадцатого века неудавшихся самоубийц казнили, а завещание опротестовывали. Я бы сказала бы тебе всё это, сказала бы нормально, сказала бы, как должна сказать классная сестра, а ты бы сказал, что классно, что со мной о таком можно поговорить, ведь я классная, я не истерю, как все, и я бы даже классно пошутила, что я сама перестала ждать письмо в Хогвартс, но

жду другой закрытый клуб, ведь мне вот-вот двадцать семь, хоть real feel и семь без двадцати, и хоть я выросла, но так никем не стала

Стягиваю свитер и джинсы, бросаю в стирку, встаю под душ. Вода переключается с ледяной на обжигающую, но я жду, жду, жду, всё жду, когда же это поможет и это пройдет, ведь так сказал папа, но это не проходит, значит, папа обманывал, ведь всё не стереть всё надсадное страшное настолько что я и сейчас готова упасть хотя меня никто не подхватит так что я ударюсь головой о кафель и разобью ее вдребезги вдребезги вдребезги как разбил свою голову он как разбил свою голову ты как ты мог это с собой как ты мог с нами со мной сделать сообщницей соучастницей убийцей

Агон: служить

Маска: безбородый

*Сам знаешь, брат, и ярость их в толпе
Зажечь легко. И вот по наущенью
Оратора они на нас с ножом,
А там и дочь не пощадят, конечно...
Еврипид, «Ифигения в Авлиде»*

Не успел я войти в кабинет, как Анжела захлопотала с порога:

– ВасильЕвгеньич, я вам там всё включила, только «Начать конференцию» кнопочка осталась. Чашечку поставила, но он еще горяченький, вы его сразу не пейте. А еще печеньку положила – это вам мама моя передала, сама пекла утром...

– Спасибо-спасибо, Анжела.

Захлопнул дверь, запер кабинет на ключ, стянул маску – и наконец-то сладко чихнул, несколько раз подряд. Не-вы-но-си-мо. Чихать и кашлять – такие скромные проявления человеческой жизнедеятельности стали делом запретным, интимным, фактически непристойным. Отныне чихнуть без маски в общественном месте приравнивается к публичному мочеиспусканию. Мы толком не успели разобраться с отно-

шением к публичному кормлению младенцев, а теперь придется устраивать публичные дискуссии по публичному чиханию, хоть конференцию созывай «20-е годы XXI века: новые угрозы и вызовы в публичном пространстве».

В Академии дан приказ гонять безмасочников из числа студентов и преподавателей, так что приходится не просто соответствовать – подавать пример. Даже бороденку сбрить пришлось: главное, чтобы масочка сидела. Анжела говорит, помолодел лет на десять. Льстит, конечно. Однако и правда изменился: в коридорах не узнаёт, не здороваются...

Хотя кто сейчас с кем здоровается? Ходим теньями вдоль стен, сами не разговариваем, других пугаем – как будто смерть уже среди нас и мы робеем звук подать, позабыв, что смерть не имеет к нам отношения: когда есть мы, нет ее, а когда есть она – нет нас. На лекции в этом месте я всегда шучу о доме и гноме, но чем моложе студенты, тем реже они понимают, о чем я, хотя студенты не молодеют, это старею я – старый гном со своими старыми шутками.

Шутки про мертвые души больше не шутки. «Лучше б хотел я, живой, как поденщик, работая в поле, службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный, нежели здесь, над бездушными мертвыми царствовать, мертвый...»²⁸ На лекциях особенно томительно. Сначала приходил в поточную аудиторию, думал, привычка сработает – всё будет проще настроиться. Оказалось, что нет, от привычки только ху-

²⁸ Гомер – «Одиссея». Перевод В. Жуковского.

же: сидишь один перед зияющей пустотой, как будто в эхо-камере, и голос отпружинивает от стен, возвращается к тебе чужим, а перед тобой не люди – кружочки и квадратики, и это те же студенты, умом понимаешь, но всё же видишь композицию Кандинского глазами человека, привыкшего к «Утру в сосновом лесу». Из дома вести и того хуже; по весне хватило высидиваний, когда из квартиры месяцами не выбираешься, так что уже не различаешь: со студентами разговариваешь или сам с собой; так и последнего рассудка лишиться немудрено.

Потом молодые коллеги подсказали: задавайте вопросы, предлагайте писать варианты или приводить примеры в чат, дискутируйте, реагируйте на ответы – всё сподручнее, ребятам и самим мучительно перед экраном просто так сидеть. И правда, полегчало как-то. Такое время, что я молодых всё больше слушаю, чем учу.

А еще помогло, что веду из своего кабинета. Вот только запираяться приходится, а то каждый раз кто-то рвется во время занятия, и даже Анжела, при всей своей прыти, не всегда успевает сдержать самых рьяных просителей.

Вот и сейчас. Стоило надеть наушники и ткнуть «Начать конференцию», как забарабанили в дверь, потом позвонили по внутренней связи. Я положил трубку сбоку от аппарата: нет меня, нет.

– В прошлый раз мы с вами остановились на категории агональности. Само слово восходит к греческому корню

«агон» – борьба, состязание, как вы должны помнить с первого курса. «Эрис» и «филия» – раздор и любовь, вражда и союз – важнейшие элементы античной культуры, выстроенной на борьбе противоположностей. При этом агональность – не просто состязательность, а ее особая разновидность, предполагающая систему, набор правил и следование этим правилам. Игра во многом и определяет агонизм. Принцип агонистики универсален для античного мышления, он является частью мировоззрения античного человека. Как пишет Ксенофонт, в уже хорошо знакомой нам Спарте главным в воспитании граждан оказывалось так называемое научение соревновательной доблести. Обращаю ваше внимание именно на сочетание *соревновательная доблесть*: не отдельно. Политика, философия, образование, театр, суд, спорт – всё становилось полем соревнования, агона. При этом, как позже заметит Хейзинга, вводя в обиход еще один очень важный термин – «агональный инстинкт», соревнование ведется не с какой-то конкретной целью, а ради самого соревнования. То есть главным оказывается участие в лишенном жизненной необходимости процессе – процессе по сути бесконечном, работающем на внутреннем *perpetuum mobile*...

На чем?

– выскочило в чате.

– Ну-ка. Вспоминайте латынь, молодые люди. Все-таки

второй курс!

Вечный двигатель?

– прилетело в ответ.

– Верно. Так или иначе, следы агональности мы видим и в социалистическом соревновании, например: догнать и перегнать, пятилетка в четыре года, стахановский подвиг – всё это соответствует агоническому духу, духу борьбы, состязательности. Какие еще примеры можете привести?

Холодная война?

– Да, но здесь важно уточнить, что именно холодная. Сама по себе война не является агонистикой по умолчанию. Агональный дух вносят в нее участники, которым важно не уничтожить соперника, а показать свое превосходство, кстати, даже моральное. Не просто победить, а оказаться лучше по значимому для обеих сторон критерию, будь то вооружение, тактика, а может, и героизм или даже гуманизм. «Сам погибай, а товарища выручай», например, – такой противник может проиграть войну, но выиграть в агоне, ведь победа может быть бесславной, а поражение героическим. Понимаете?

Еще конкурирующие ДАП так работают

Тут я растерялся.
– Как, простите?

Нейросети

Будто стало яснее! В дверь забарабанили громче. Да что там такое?

– ВасильЕвгеньич, очень надо! – Анжела подвывала в замочную скважину.

Извинился перед своими квадратиками, выключил видео и пошел отпирать дверь. В приемной стоял мужчина лет сорока в джинсах, потертой черной куртке и без всякой маски. Я хмыкнул так выразительно, как только выучился за тридцать лет деканства и сорок пять – преподавания.

– ВасильЕвгеньич, тут вот человек не может долго ждать. Это по поводу... – почему-то прошептала Анжела, поглядывая то на меня, то на него.

– Я понял.

– Андрей Игоревич Мухин, следовательно, – он протянул руку.

Я по привычке потянулся в ответ, но Анжела тут же шикнула: нельзя! Он по-мальчишески ойкнул, убрал руку за спину и забормотал:

– Вы не подумайте, у меня антитела! Я весной еще переболел, три недели валялся.

Анжела вклинилась:

– Всё равно можете быть переносчиком! А ВасильЕвгеньич у нас в группе риска вообще-то, у него сердце!

Я поморщился.

– У всех сердце, Анжела. Андрей Игоревич, вы хотели что-то уточнить?

– Нам бы пообщаться. Да вы не волнуйтесь, процедура стандартная. Много времени я у вас не отниму.

– Да я уже знаю. Не первый раз таких гостей принимаем, к сожалению. – Я махнул рукой в сторону кабинета. – Чай, кофе?

– Нет, благодарю.

Вернулся за стол, прикрыл крышку ноутбука и сел. Отпил уже остывший Анжелин чай, пролил немного на блюдце, от чего размякло печенье – «печенька», как она говорит. Так и не смог отучить ее от этих ужасных слов: «вкусняшка», «печенька», «любимка». Скорее она меня переучит.

Мухин сел напротив и тронул качающего лапой кота. Это Анжела подарила мне «котейку», чтобы «счастье намурлыкал». Китч, конечно, но как ей об этом сказать?

– У вас день рождения? – Он кивнул на неприлично большую открытку «С юбилеем!» рядом с вазой на подоконнике.

– В пятницу был.

– Поздравляю, – и без перехода: – Я, собственно, насчет прыгунка.

– Прыгунка?

Он нахмурился.

– Простите. Буянов Никита Константинович, 2001 года рождения, студент философского факультета, второй курс. Сегодня ночью он...

Сколько раз я это слышал... Скрылся с места аварии. Устроил дебош. Напал на полицейского. Попался на митинге. Встал в одиночный пикет. Поджег дверь ФСБ. Вел канал с призывами к. Собирал дома бомбу...

– Выпрыгнул из окна общежития...

Всего лишь выпрыгнул из окна, но и этим не угодил Академии.

– Я так понял, что он сам, да?

– Разбираемся пока, но вроде поводов сомневаться нет. Записку оставил.

– Я в курсе, – поморщился, вспомнив утреннюю беседу с ректором.

– Да, вас винит и вашу учительницу... – Он заглянул в телефон. – Олевскую Ирину Михайловну.

На словах «ваша учительница» перед глазами возникла классная руководительница Антонина Васильевна, божий одуванчик, сухонькая женщина, которая прошла войну медсестрой до самого Берлина, но будто и не видела ни смерти, ни печали, ни страданий.

– Сессия, хвосты, стресс – всё стандартно. Ваша помощница мне уже выдала информацию по Буянову и Олевской, но, сами понимаете, для отчетности надо бы побеседовать. Олевская мне, конечно, нужна, психолог ваш и кто-то из сту-

дентов, близких к Буянову. Буду благодарен за содействие.

– Конечно-конечно. Вы обратитесь к Анжеле, она вам всех найдет.

– А вы сами что-то можете сказать по Буянову?

– Буянов... Буянов... Не припомню, к сожалению. Столько студентов повидал, что одним больше, одним меньше...

– Понимаю. – Он поднялся. – Что ж, в любом случае спасибо.

Я встал и протянул ему руку, он пожал в ответ и сразу охнул:

– Что ж мы так с вами нарушаем...

– У вас же антитела... Прыгунки, да? Много таких?

– По-разному, но с пандемией этой, да и по осени сезонно всегда больше становится. Погода плохая, срываются листья и люди, – он мрачно усмехнулся.

Мы попрощались. Я открыл ноутбук и снова включил видео. До конца пары осталось полчаса, так что материал пришлось ужимать, да еще и разговор со следователем сбил меня с толку, – поэтому я запинаясь, терял логическую нить и без конца чихал: наверняка в одном из букетов от не_приятелей запряталась лилия. Символ Непорочной Девы и королевской власти – иронично, что у меня на нее аллергия.

Закончил пару, вышел из конференции, допил уже совсем холодный чай. На дне чашки лежал кусочек вымокшего печенья: свинячу, как ребенок. Или старик.

Не вставая с кресла, подкатился к окну. Машина «След-

ственный комитет» демонстративно припарковалась перед главным входом, а вокруг кучковались редкие курильщики. Как будто обязательно вставать здесь, на виду у всех, как будто и без того мало пересудов...

Потянулся за открыткой, усыпанной прилипчивыми блесками. Внутри наверняка стихи без признака вкуса.

Для мужчины, спору нет,
Самый в семьдесят расцвет...

Для женщины, может, и рассвет, а для деканов, ректоров и президентов – закат, так было бы вернее.

Сократа казнили на закате, отдав в жертву тем богам, что он якобы хулил.

Сократу было семьдесят.

Не просто так греки считали семидесятилетие пределом жизни.

Не просто так деканам, ректорам и судьям не велено переходить этот предел.

А что за ним? Куда попадают деканы, когда проходят деканскую жизнь до конца? На круг лукавых советчиков или в обитель соблюдающих долг?

После семидесяти они попадают в чистилище.

Сколько ни кокетничай, ни сбрасывай бороду, ни проходи воркшопы по созданию образовательных подкастов – ты лишь цепляешь молодильную маску с краткосрочным эф-

фектом, под которой прячешь выходящего в тираж старика, что боится попасть в жизнь после.

Недавно Анжела мне показала картинку из интернета: «До н. э. – до начала эпидемии». Я ответил, что это неверное понимание истории: невозможно оценить эпохальность события в моменте – для этого нужно расстояние, ведь та же Вторая мировая или даже девяностые стали для нас сломом эпох куда в большей степени, чем какой-то вирус, которых и на моем веку хватило: чего стоила одна холера, когда во время летней практики я застрял на месяц в Керчи.

Анжела тогда ответила, что я слишком серьезно воспринимаю мем. «Мэм?», – я переспросил, а она засмеялась: «Не говорите “мэм” и “секс”, ВасильЕвгеньич, – это происходит у людей *за*». Сразу вспомнил матерящегося интеллигента у Довлатова. Имитировать возраст, как и класс, невозможно. Вася может проходить воркшопы, но какой в этом толк, если он даже не знает, что́ это такое, если он не умеет начинать и заканчивать лекции без чужой помощи, ведь Вася так безнадежно вырос в Василия Евгеньевича.

«Очень быстро, я ничего не понял», как там было в каком-то фильме, – я даже не вспомню, в каком, ведь все фильмы, книги, разговоры, лекции, новости слились в одно, так что я уже не отличаю мысли свои от мыслей присвоенных.

Как это случилось?

Вася поступил в аспирантуру своей же Академии и сразу начал преподавать. На Западе этого, кстати, не любят, обы-

вают некрасивым словом «инбридинг» – инцестом, по сути. Якобы из-за пагубной традиции мы замыкаемся в себе вместо того, чтобы проповедовать *in partibus infidelium*²⁹, поэтому и воспроизводим исключительно себе подобных.

Работать Вася пришел на правах младшенького – умника, отличника, но всё еще младшенького в семье. Досада брала не раз, когда гнали из профессорской столовой или на кафедре спрашивали Василия Евгеньевича, а коллеги отвечали, что таких не водится. Потом ахали: а, вы Ва-а-асеньку ищите! А Ва-а-асенька учился учить, учился не робеть по другую сторону парты, учился не пасовать перед наглецами, учился проверять источники, учился слушать студентов, учился не только замечать их ошибки, но и признавать свои, ведь знание и начинается с признания незнания. С годами Васенька смог сбросить студенческую кожу и нарастить новую, слой за слоем: старший, доцент, профессор, завкаф, замдекана, декан. Кожа всё утолщалась, пока Васенька не обратился в василиска – осколок прошлого, мифологему, утратившую власть и величие в атеистически-технологическом настоящем.

Из неопытного новичка Вася превратился в опытного, но неумелого пожилого человека. И вот Вася снова пасует перед молодыми, снова теряется, когда в онлайн-конференции не получается включить презентацию, снова робеет, когда слышит слова, значения которых не знает, – и это он, тот

²⁹ «В странах неверных» в значении «в чужой среде». (лат.)

самый Вася, который, казалось бы, знает всё, и как-то раз из постыдного тщеславия сходил в телевизор сыграть в интеллектуальной викторине – и выиграл приличный призовой фонд, который истратил на alma mater, надо признать! Старый преподаватель вдруг оказался на положении студента – растерянного и вместе с тем стесняющегося просить о помощи. Утром на четырех, днем на двух, вечером на трех – вот так и ходим. Вместо костылей – Анжела, нянька в должности секретаря, да зонт, который всё больше трость. Еще год назад Вася ходил на работу пешком, а сейчас уже три остановки едет на автобусе.

Страшно, страшно, ведь старший брат, оставшийся в Свердловске, в семьдесят заполучил первый инсульт и инфаркт, так что потом как дитя учился всё делать заново, а сноха докладывала по телефону: голову держит! садится! кушает! опирается на ноги! разговаривает! ходит, Толик снова ходит! Еще бы Толик не ходил – сколько связей поднял, сколько денег влил в реабилитацию Вася, тот самый Вася, которому Толик в детстве так щедро отвешивал подзатыльники и даже руку однажды сломал – случайно, конечно, но все-таки Вася запомнил и обиду затаил, как и запомнил, что на свадьбе у Васи Толик спьяну лез к Надюше целоваться. Простил Толика только там, в больнице, когда увидел, что брат уже рукам воли не даст. Толик ушел в семьдесят четыре, ровно как ушел отец от второго инфаркта. Сердце у нас по мужской линии негодное.

А случись что со мной, кто позаботится? Володенька так и не сразу приехать сможет. Не на Анжелу же надеяться, право. Хотя душа добрая, бесхитростная, но временами очень уж она незамутненная, как будто не из гордумы, а из леса к нам вышла. Недавно заявила, что наскребла файлы по сусекам. Я сначала виду не подал, переспросил, а она повторила: *сусики*. Я тогда аккуратно так решил у нее вызнать, что же это за сусики такие. Анжела и выдала, что сусики – это рисинки для суши, поэтому и скрести их тяжело, если в соевый соус угодили. Вот так: мы всё киваем на Запад, а Восток уже здесь – в головах сидит. Даже преданность ее, признаться, носит восточный характер: будто я самурай, спасший деву из беды. Вот только будь я самураем, давно бы сделал харакири на рабочем месте.

Но Вася не самурай, Вася – декан. Вася стал деканом в тридцать девять лет, и не потому, что был самым достойным, а лишь потому, что был готов работать без зарплаты. Чтобы собрать утекающие кадры и не дать развалить факультет, оказалась нужна не крепкая рука, а цепкий язык. Вася сидел на телефоне часами, донимая своих же одноклассников, однокурсников, бывших младших коллег, выпускников – одной лишь просьбой: дайте денег, иначе нас больше не будет. За полгода удалось сколотить попечительский совет, и, пока Академия тлела в пожаре новых времен, философский факультет вовремя платил зарплаты, обновлял библиотечный фонд и делал ремонт в аудиториях. Это потом уже сформирова-

ровали обще-университетский совет, но началось всё – с нас. Вася предложил телевизионную олимпиаду для абитуриентов, сделал Академию magna iterum³⁰, да только олимпиада, телевизор и Академия устарели, не говоря уж о самом Васе. Кто вспомнит о декане-новаторе, когда ему семьдесят, а ректору, бывшему однокурснику, шестьдесят девять, и над ними обоими зависли песочные часы, отмеряющие легитимность их полномочий.

Снимут ректора – снимут и декана. Снимут декана – снимут ли ректора?

«Бессменный руководитель философского факультета» – где-то так и сказали. Ах да, в «Умнейшему». Якубович, Масляков, Аникеев – одним миром мазаны. Вася же первым избавился от выборности деканской должности. Сначала было не до демократии, а потом уже все как-то и попривыкли. Был только один академик, кипиш поднимал, выборов всё требовал, так что пришлось попросить: контракт закончился, извините. До сих пор дает интервью о декане-волюнтаристе. Не понимает, что спас его волюнтарист, дал возможность спокойно писать свои монографии, ездить на свои конференции и вместе с другими вздыхать о своей загибающейся науке. Испустит дух – так, может, и памятник во дворе поставим.

Поставят. Я-то старше – раньше отойду.

Еще и милейшая Катерина Сергеевна, у которой я в свое время был научным руководителем, умудрилась воткнуть

³⁰ Снова великой. (лат.)

мне кинжал в спину открытым письмом в защиту студентки, намеревавшейся удрать к террористам. «Требуем проявить гуманизм!», видите ли. Погнал ее с кафедры. И прихвостней ее погнал, чтоб неповадно было. Вася мог быть гуманистом, но Василий Евгеньевич уже давно гуманитарий.

Гуманизм в республике = *paideia*³¹, гуманизм в империи = *philanthropia*³², как метко обозначил Геллий. Цицерон, помнится, называл гуманизмом образование знатных римлян по греческому образцу. Я же всегда полагал так: гуманизм выдумали, чтобы скрыть пустое место, где должна быть доброта. Гуманизм – это даже не *misericordia*³³, а одна лишь *benevolentia*³⁴. Я-то, в сущности, никогда и не был добр. Одна лишь Надюша смогла во мне разглядеть доброту, моя Надюша, моя *Fides*³⁵, моя *Agápē*³⁶. Остальным хватало и гуманизма.

«Академии нужны новые решения!», видите ли. Метила Катерина Сергеевна на мое место, заговор плела. Давно уже смену ищут-рыщут – модель декана поновее, помоложе, по-эффективнее. Вася пришел работать в университет – а уйдет из корпорации; Академия застряла где-то на полпути между

³¹ Воспитание. (*греч.*).

³² Дружелюбие. (*греч.*)

³³ Сострадание. (*лат.*)

³⁴ Доброжелательность. (*лат.*)

³⁵ Честь. (*лат.*)

³⁶ Любовь. (*греч.*)

коммунизмом и капитализмом. Ничего, царство стало империей, империя – союзом, союз – федерацией, а третий Рим выстоял, как выстоит и наша Академия.

Я снова выглянул в окно: машина там же. А вон и памятник братьям – основателям Академии: греки подарили городу и нам лично. А какой памятник будет мне? Надпись на основательском: «Здесь был Вася»? Древнейшая традиция, между прочим, еще римляне оставляли свой след в истории таким варварским способом, каким бы дурным каламбуром это ни звучало.

А ведь когда-то Вася хотел стать космонавтом. Впрочем, каждый житель нашей необъятной, возмутительно нескончаемой страны немного космонавт. Даже взлетать необязательно, чтобы почувствовать себя *punktum*³⁷ посреди *infinitum*³⁸ – незначительной точкой, наличие или отсутствие которой ничего не меняет, точкой, которая ограничена пределами своего тела и находится в неограниченном пространстве, том самом пространстве, которое, подобно любой приличной Вселенной, рвется к расширению, не вдаваясь в рефлексию, нужно ей это или нет, ведь Вселенная живет своими законами и с недоумением оглядывается на попытки задним числом себя объяснить. И Вася стоит перед выбором: остаться точкой или расшириться самому, стать чем-

³⁷ Точка. (лат.)

³⁸ Бесконечность. (лат.)

то бóльшим, может быть, даже *rector magnificus*³⁹, настоящей звездой этого необъятного небосклона, пусть рано или поздно Вася закончит как все *astra*, к которым рвутся *per aspera*⁴⁰ и аспирантуры, – белым карликом; если не сгорит раньше, где-то на подлете.

И вот Вася – звезда, Вася сияет, Вася прогнул мир под себя, но оказалось, что мир этого и не заметил, мир даже и не запомнил, так что останется только запись: «Здесь был Вася».

А был ли, собственно, Вася? Не всё ли равно Вселенной: *punctum* ты или *astrum*?

Каждый из нас считает себя звездой. Тщеславным Солнцем, вокруг которого и вращается галактика. Геродот высмеивал тех, кто полагал, что в центре Земли находится суша, в центре суши – Греция, а в центре Греции – Дельфы, но далеко ли мы ушли, если до сих пор ставим в центр мира себя?

Мы всегда протагонисты. Мы всегда боремся за себя. Вот только мир борется с нами.

Борется, например, сейчас, когда мы так поспешно-хвастиливо оглашаем победу, уже зная наверняка, что враг не поражен, а лишь затаился подкопить сил и обрушиться заново на нас, уже размякших, разморенных, разнеженных мнимыми успехами, а он всего лишь изменит облик, структуру, штамм, надсмеявшись над любыми попытками одержать верх.

³⁹ «Великолепный ректор» (*лат.*) – звание ректора в Средние века.

⁴⁰ «*Per aspera ad astra*» – «через тернии к звездам» (*лат.*)

Всё просто: протагонисты – мы, разумная человеческая цивилизация, а антагонист – капля в море, но если это капля яда, то она может отравить всё море, накрыв его пленкой (*пожалуйста, оставайтесь дома!*), и под ней задохнется всё живое, а в новостях появится сообщение о «массовой гибели морских животных», из-за которой пошумят зоозащитники.

Нам же нужны – шумящие человекозащитники, защитники человека от человека. Ведь всё просто, когда протагонист – человек, но что, если человек был антагонистом *ab ovo*⁴¹? Что, если человек – не мера всех вещей, а досадная ошибка природы, мутация, вирус, что отыскал Ноев ковчег даже во время Девкалионова потопа? До н. э. – «до начала эпидемии». А что, если «до начала эпидемии человека»? А что, если человек и есть старейший коронавирус, передавшийся от животного – через что там: дубинку? труд? божье дыхание? А что, если Бог – не творец, а ученый, и он всего лишь заигрался в лаборатории, сотворив вирус человека, который оказалось не удержать в пробирке?

Животное заболело и превратилось в человека. А человек заразил весь мир.

Пока Эдип искал причину мора, мором был лишь сам Эдип.

Думал ли обо всём этом прыгунок?

Прыгунок – мутант, дитя той самой новой эры, которая начинается как будто только сейчас. Два десятилетия мы

⁴¹ Букв.: «с яйца» (лат.). Используется в значении «с самого начала».

прожили в тени XX века, как сумчатые, продолжая вынашивать в своей тесной утробе век XXI, запугивая его страшилками прошлого, поучая не быть таким, как его родители, и вот к двадцатым годам XXI века наш новорожденный окреп, получил право голоса – и наконец скинул цепи удушающей пуповины. Кого еще мы могли получить, кроме как напуганного, запутавшегося, озлобленного подростка, который только и может, что напоследок убить того, кто его породил?

Виновата ли в этом философия, польза которой не доказана, а вред очевиден, как сказал человек, в свое время посмеявшийся закрыть наш факультет? Самый старый, самый престижный, но и самый мятежный. Мятежный дух – безусловная плата за то, что мы учим *думать*. Еще одна мутация, с которой надлежит расправиться, пока она не загубила Академию.

Вася не стал космонавтом Гагариным, но превратился в космонавта с дубинкой, который бьет своих, защищая... своих же?

Senatus bestia, senatores boni viri⁴². Dekanus bestia или dekanus bonum vir?

Снова чихнул, аж голова затрещала. Надо сказать Анжеле, чтобы выбросила уже эти букеты к чертовой матери.

Ладно, хватит тянуть. Пора приступать к делу, а то с ректором уже с утра наговорился...

⁴² «Сенат – зверь, сенаторы – хорошие мужи» (Цицерон). (лат.)

– Надо предложить помощь от лица Академии, венки возложить обязательно, финансово поучаствовать, сам понимаешь. Нехорошо, Василий Евгеньич, передача эта, записка – откуда они ее вообще...

– Да я понимаю.

– Не понимаешь ты, Василий Евгеньич, – мне вот это всё сейчас вообще не надо. Нам реформу пытаются вкатить, подо мной и так кресло шатается, а тут еще твой факультет опять... Думаешь, как решать будешь, если в суд пойдут. А лучше подстели соломку.

– Как?

– Дадим заявление, что не просто приносим соболезнования, но и приняли меры...

– Какие меры?

– Там что написано: деканат и немка. Сыграем на опережение.

– У нас такая немка не работает, мы ее на прошлой неделе уволили? Сделаем так – поставим черную метку, Миш. Ей больше не преподавать.

– Так пусть сама уходит. Не справилась со стрессом, написала в сердцах заявление, а мы проявили понимание и не стали требовать отрабатывать семестр.

– А если не напишет?

– А если не напишет, то у нас по договору шестидневка с шестичасовым рабочим днем. Не явилась на работу, когда нет пар? Отсутствие более трех часов – пожалуйста, нарушение.

ние трудового договора.

– Миш, это уже софистика.

– Это закон, хоть и *dura*⁴³. А тебе суровости, Василий Евгеньич, не хватает, устал за столько лет-то, на пенсию захотел...

– Так, значит, Михал Иванович?

– А ты не обижайся. Думаешь, мне твоя пенсия нужна? Сначала тебя, потом меня, сам знаю. Так что от твоего гуманизма никому проку не будет. Защитишь себя – защитишь и меня. Защитишь меня – защитишь Академию.

Цицерон говорил: всё, что справедливо, полезно.

Цицерон говорил: всё, что в нравственном отношении прекрасно, справедливо.

Цицерон говорил: всё нравственно-прекрасное полезно.

Цицерон в грязной оборванной одежде бросался в ноги к Помпею, лишь бы избежать изгнания из Рима.

Даже Цицерон стал белым карликом – так с чего вдруг упираться Васе?

Или Вася хочет, как Сенека, испытать цикуты, и уйти если не в расцвете, то хотя бы не на закате?

В начале был Логос – но что же будет в конце?

Когда меня призовет к себе Бог – если он в ожидании гибели еще не спрятался от своего сверхсоздания на самоизоляцию, понадеявшись пересидеть пару миллионов лет и

⁴³ «*Dura lex sed lex*» – «Закон суров, но это закон». (лат.)

выйти на волю, когда отбушует уже новая инфекция Homo Sapiens, – то спросит:

Кто был твоим первым?

Девочка, семнадцатилетняя девочка с первого курса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.